

**К. Ю. Ерусалимский, В. Н. Козляков,
Д. В. Лисейцев**

**Рецензия на монографию: *Короткова А. И.,
Чуканов И. А. Укрепление крепостного права
в России во второй половине XVII века***

**Ульяновск: УГПУ им. И. Н. Ульянова, 2015. 256 с., ил.
ISBN5-8426-0026-9**

В 2015 г. в издательстве Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова вышла монография, посвященная становлению крепостничества в России второй половины XVII в. У этой проблемы есть своя давняя научная традиция. Ни одна работа, посвященная развитию социально-экономических и социально-правовых отношений в России раннего Нового времени, не обходится без рассмотрения процессов закрепощения крестьянства и его последствий. Возникнув еще до революций 1917 г., эта проблема, а точнее даже масштабная научная область, только набирала актуальность в советское время и лишь сейчас, пожалуй, утрачивает свое былое звучание. Впрочем, к проблемам крепостничества и закрепощения, если называть только покойных ученых, наших ближайших современников, среди прочих обращались Н. А. Горская, А. И. Копанев, В. И. Корецкий, А. Г. Маньков, Л. В. Милов.

В основу, если так можно сказать, «концепции» своей работы А. И. Короткова и И. А. Чуканов положили стандартное представление о крепостном праве, которое всё время «усиливалось» и «усиливалось». В названиях глав преиму-

шественно присутствует слово «ужесточение» и знакомое по временам преподавания «истории КПСС» слово «деятельность». Деятельность «высших органов государственной власти», «местных властей», «судебных органов» по «укреплению» и, не шутя, «повсеместному введению крепостного права в России», а еще экзотическому «закабалению граждан страны» и даже «охолоплению свободных граждан России». Стилистически это выделяется из научного языка «феодалов» — историков, изучающих допетровский период в истории России, и может быть связано с опытом работы одного из авторов — И. А. Чуканова, в 1997 и 2001 гг. защитившего в Казани сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации по «социально-экономической» и финансовой политике «местных органов власти» в первые годы Советской власти. Аналитический язык авторов пестрит далекими от академизма формулировками «принципиальная оценка» (с. 8), «как реально работали... государственные акты» (с. 18), «серьезные меры» (с. 30), «важный и познавательный опыт деятельности» (с. 66), «достаточно жесткие требования» (с. 101). Крестьяне «практически безнаказанно покинули своих владельцев» (с. 106), а «многих людей практически обманули, записав в книги, на основе которых на них, впоследствии, распространилось крепостное право» (с. 109). Видимо, они должны быть понятны и так, поэтому оставлены в книге без комментариев и без сравнительной шкалы. Между тем все эти словосочетания и характеристики далеки от российских реалий XVII в. и совершенно беспредметны. Эмоциональные отступления в книге А. И. Коротковой и И. А. Чуканова сказываются на аргументации, в ряде мест превращая ее в набор нечитаемых и стилистически невозможных формулировок. См., например, последний абзац на с. 44 — в нем такое обилие неграмотных согласований, что трудно, если вообще можно, уловить ход мысли. Это невнимательная корректорская работа? Или особая стилистика?

Конечно, подступы к изучению крепостничества в русской истории никому не заказаны, но сказать новое слово, да еще и в монографическом масштабе, можно, только решая и развивая проблемы предшественников. Если новая работа звучит революционно, то читатель вправе ожидать от нее прежде всего прорывных методик, которые проходят долгое обсуждение, неоднократно публикуются на устных выступлениях и в печати. Когда ничего этого нет, а на исследовательском горизонте *ex nihilo* является монографический труд, претендующий на новое решение старых задач, мы вправе применить к такой работе самые строгие мерки, как если бы такая монография проходила «первое обсуждение», как принято называть обычную диссертационную процедуру.

Основные проблемы, заявленные к рассмотрению в работе А. И. Коротковой и И. А. Чуканова, ничем не отличаются от тех, что давно известны в науке. Источники, судя по приведенным ссылкам, — преимущественно памятники законодательства, давно введенные в научный оборот и тщательно изученные. Может быть, авторы предлагают новые методики в приложении к юридическим актам, дают подробную историографическую критику, предлагают

неординарные решения старых научных проблем? Увы, ничего этого нет. Показательно, что в монографии Коротковой и Чуканова содержатся всего две ссылки на труды ведущего специалиста советского и постсоветского времени в области крепостнического законодательства второй половины XVII в. — Аркадия Георгиевича Манькова. Скончавшийся в 2006 г. маститый петербургский исследователь, заслуженный деятель науки и автор десятков признанных работ, в нашем случае мог бы быть главным объектом критического пересмотра и переосмысления со стороны авторов. Ему, в частности, принадлежат докторская диссертация и основанная на ней книга «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962) и еще одно исследование «Законодательство и право России второй половины XVII в.» (СПб.: Наука, 1998). Творческий коллектив из Ульяновска всего дважды обращается к работам А. Г. Манькова: на с. 17, сноска 66 (вкуче с упреком А. Г. Манькову за «описательный характер» его работы и «отсутствие правового анализа»), и на с. 150, сноска 21 (на сей раз великодушно — без замечаний).

Причина такого труднообъяснимого умолчания становится очевидна из сопоставления небольшой ульяновской книги 2015 г. издания и объемной монографии А. Г. Манькова 1962 г. издания. И. А. Короткова и А. И. Чуканов целыми абзацами переписывают текст ученого, взгляды которого даже не потрудились охарактеризовать во вводных разделах. На с. 20 «Укрепления» весь второй абзац бесцеремонно «содран» из «Развития крепостного права» А. Г. Манькова (1962. С. 16–17). Точно так же дословно или почти дословно списаны целые фрагменты книги 1962 г. (с. 66, абзац 4, ср.: Маньков 1962. С. 99), (с. 76, абзац 1 и далее, ср.: Маньков 1962. С. 100). Заимствование из работы А. Г. Манькова формулировок о контрольной функции уездных воевод встречается также в краткой статье тех же авторов из рецензируемого научного сборника (см.: *Чуканов И. А., Короткова А. И.* Деятельность высших органов государственной власти России по укреплению крепостного права во второй половине XVII века // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2015. Т. 17. № 3–1. С. 7–12). Кстати, несколько статей ульяновских авторов, где имя декана и доктора исторических наук И. А. Короткова на первом месте, а аспирантки А. И. Коротковой (ранее — Чукановой) на втором, появились в 2015 г. еще в журналах «Право и Образование» и «Вестник Екатеринбургского института». Они повторяют по названию и содержанию текст, вошедший в книгу об «укреплении крепостного права в России». Эти работы тиражировали странные представления двух авторов о теме крепостничества в России и их элементарные ошибки. Например, они повсюду называют известное «Полное Собрание законов Российской империи» — «Полным Сводом»! Царевна Софья «подписывает указ 23 мая 1681 года от имени царей Петра и Ивана» (заметим, еще при живом царе Федоре Алексеевиче), после чего авторы, по их словам, «со всей ответственностью» делают выводы о «правовой подготовке» крепостничества (см. статью: *Чуканов И. А., Короткова А. И.* Развитие

нормативно-правовой базы крепостного права в России в 1660–1670-е годы XVII века [именно с таким дублированием дат] // Вестник екатерининского института. 2015. № 2 (30). С. 34).

Характеризуя работу с источниками, И. А. Чуканов и А. И. Короткова пишут в своей книге: «Помимо ПСЗ использованы все известные нам публикации актов, охватывающую 2-ю половину XVII в., начиная от ААЭ, АИ, Дополнений к ним и кончая различного рода провинциальными изданиями» (с. 20). Фраза, дословно переписанная ульяновскими авторами из книги А. Г. Манькова (с. 16)! Интересно, смогут ли они правильно расшифровать эти «ААЭ» и «АИ», не говоря уже об использовании упомянутых ими многотомных публикаций, а также узнают ли, наконец, что «ПСЗ» или встречающееся в сносках их работ «ПСЗРИ» — это никакой не «Свод Законов Российской империи». Вообще-то характеристику источников не зря придумали как обязательный элемент научных трудов, из этого раздела сразу видно, что Чуканов и Короткова имитируют свое знакомство с архивными документами РГАДА — Российского государственного архива древних актов, где, как они пишут, «нами использовались сборники документов, опубликованных (так в тексте!) работниками этого архива». Архивные фонды только перечислены, но авторы не имеют никакого представления об объеме упомянутых ими материалов. Например, замечание о том, что Столбцы Поместного приказа просмотрены «лишь по отдельным городам — Нижнему Новгороду, Казани, Симбирску, некоторым другим», может вызвать у исследователей только недоумение. Становится ясно, что это виртуальная «работа» с объемными комплексами архивных документов, иначе Чуканов и Короткова по-другому говорили бы о работе, которая могла занять у них не один год жизни. Кроме того, открыв путеводитель по архиву, можно узнать, что никаких столбцов Поместного приказа по Симбирску (в отличие от книг) не сохранилось! Окончательно всё становится понятным с «архивными» разысканиями Чуканова и Коротковой, когда они начинают делать ссылки на архивы, заимствованные всё из той же работы Аркадия Георгиевича Манькова. Прежнее название архива ЦГАДА заменено на нынешнее — РГАДА, но стандарты библиографических ссылок начала 1960-х гг. сохранены: «ф. Поместного приказа, записная книга указам 4710, лл. 41–42».

Именно с архивными сюжетами, главными для любого исследователя истории XVI–XVII вв., стоит разобраться подробнее. Имеют ли И. А. Чуканов и А. И. Короткова хотя бы отдаленное представление о том, что стоит за заимствованными ими архивными ссылками? Опубликованная в Ульяновске книга претендует на глобального уровня архивные открытия, на проверку оказывающиеся курьезами. Чуканов и Короткова отвергают принятые в современной науке правила оформления архивных сносок, игнорируя номера архивных фондов и указывая только те их названия, что полвека назад, в начале 1960-х гг. использовал А. Г. Маньков (например — ф. Поместного приказа, ф. Разрядного приказа и т.д.). Это не мешает им открывать новые, неизвестные специалистам

по истории XVII в. архивные фонды. Например, на с. 205 (примеч. 23) обнаруживаем такую запись: «РГАДА, Воронежские акты, стлб. 548, л. 198–201». Несколько страниц ниже (с. 213, сноска 36) ссылка на эти «Воронежские акты» приобретает еще более загадочный вид: «РГАДА. Ф. Поместного приказа, Воронежские акты, кн. 2, Воронеж, 1852, стр. 142–143». Впрочем, весь флер таинственности пропадает, если открыть монографию Манькова на с. 109, а если быть точным — обратить внимание на сноски 234–236:

234: «ЦГАДА, ф. Разряда...»;

235: «Там же, стлб. 548, л. 198–201»;

236: «Воронежские акты, кн. 2, Воронеж, 1852, стр. 142–143».

Вот так, «творчески» подойдя к чужому справочному аппарату, слив в один монолитный сплав три сноски А. Г. Манькова, ульяновские авторы «подарили» научной общественности совершенно новый архивный фонд РГАДА — некие «Воронежские акты», в которых чудесным образом обретаются не существовавший ранее столбец 548. Однако этого авторам, надо полагать, показалось недостаточно, и в давно известном ученым фонде 1209 («Поместный приказ, Вотчинная коллегия, Вотчинный департамент») они новаторски создают новый подраздел (опять-таки под названием «Воронежские акты»). Причем новаторство авторов в данном случае дошло до того, что в данном архивном фонде пагинация документов указывается не листами, а страницами. А вся эта история с гибридной ссылкой возникла из элементарного незнания 2-й части публикации актов Н. И. Второва и К. О. Александрова-Дольника «Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова», изданной в Воронеже в 1852 г. Из других, достаточно говорящих специалистам, архивных «открытий» — ссылка на Владимирский, Белгородский и Севский столы... Поместного, а не Разрядного приказа, как следовало бы.

Творчество замечательного авторского тандема не ограничивается одним лишь созданием новых архивных фондов РГАДА. Чрезвычайной щедрости подарок от авторов получил покойный ленинградский историк Василий Георгиевич Гейман (1887–1965). В монографии Манькова (Маньков 1962. С. 103, сноска 211) имеются отсылки к его неопубликованной работе «Очерк из истории местного управления Русского государства XVII века» (рукопись, с. 44–46). Чуканов и Короткова также, судя по тексту их труда, соприкоснулись с этой неопубликованной рукописью (не иначе как в архиве СПб ИРИ РАН, где эта рукопись, вероятно, и хранится и где, надо полагать, с нею работал Маньков). Но не только соприкоснулись, но даже и присвоили неопубликованной рукописи ленинградского автора место публикации (это, как ни странно, Москва). Не остановившись на достигнутом, Чуканов и Короткова еще и датировали рукопись — 1844 (!) годом. Из чего следует замечательное историографическое открытие — оказывается, В. Г. Гейман начал печатать свои труды почти за полвека до собственного рождения...

Упоминания достойно и то, что соприкоснуться Чуканову и Коротковой чудесным образом привелось именно с теми страницами рукописи Геймана, что и Манькову, т.е. со страницами 44–46. Трудно удержаться от того, чтобы показать «замечательные» методы работы Чуканова и Коротковой: это будет прекрасной иллюстрацией тому, как далеко за последние полвека шагнула историческая наука... и куда. Ниже приводится текст соответствующего абзаца. Обычным шрифтом набран текст Манькова, курсивом — немалый творческий вклад ульяновских соавторов:

«Исследователь и правовед В. Г. Гейман, описывая деятельность сотских и пятидесятских в Белозерском уезде XVII в., установил, что в круг обязанностей названных лиц входило следить за пришлыми людьми на подведомственной им территории. Существующий порядок требовал каждого пришлого жильца (*гостя*) приводить в съезжую избу к «записке» *и расспрашивать его о целях прибытия*. За нарушение этого порядка перед воеводой отвечал пятидесятский. Когда в 1674 г. производился сыск даточных людей, приставы, посланные воеводой, обнаружили в одной из волостей «пришлого человека Самутку». В ответе оказался пятидесятский Е. Яковлев: «И октября в 29 день по приказу воеводы И. Ф. Чаплина пятидесятскому Евтюшке Яковлеву учинен наказанье: перед съезжею избою бит батоги за то, что он о пришлом человеке Самутке на Белоозере в съезжей избе не известил, а жил в его пятидесятне и з дороги он Евтюшка ночью сшел»» (Маньков 1962. С. 103; Чуканов. С. 65).

Творчество ульяновских авторов, как видно, дало весомый результат: никому, надо полагать, неведомый ранее ленинградский историк Василий Георгиевич Гейман получил уточняющую характеристику — «исследователь и правовед», относительно «пришлого жильца» дано уточнение — «гостя», а помимо того Чуканов и Короткова любезно пояснили для совсем уж недалекого читателя, для чего одного гостя следовало конвоировать в съезжую избу — «и расспрашивать его о целях прибытия». Справедливости ради отметим также, что если Маньков на цитированный выше фрагмент дал всего лишь одну сноску и в самом конце (на неопубликованную рукопись Геймана), то Чуканов и Короткова таковых дали целых две: одну — после собственной авторской вставки «и расспрашивать его о целях прибытия» (соответственно ссылка на Геймана), а вторую — как и Маньков, в конце фрагмента (правда, опять же на Геймана).

Возможно, у читателя начинает складываться подозрение, что с рукописью самих Чуканова-Коротковой не всё в порядке? Возможно, злые языки уже уронили слово «плагиат»? Но, как писал М. А. Булгаков: «Да отрежут лгуну его гнусный язык!» Если ульяновские авторы весьма вольно относятся к чужим текстам, то это, надо полагать, вовсе не от неуважения к чужой интеллектуальной собственности. Дело в том, что столь же «творчески» ульяновский дуэт относится и к своим собственным текстам. В частности, у этих авторов дословно совпадают полторы страницы в конце главы 7 (со слов «Во второй половине

XVII века важным звеном...», с. 64, до слов про того же вышеупомянутого «Евтюшку Яковлева», с. 65) с началом следующей 8-й главы (с. 66–68).

А. И. Короткова и И. А. Чуканов в большинстве случаев даже не вполне представляли суть тех процессов, которым могла быть посвящена книга с выбранным ими названием. Примеры, почерпнутые из историографии, перемежаются с историко-правоведческими оценками и экскурсами, которые во многих случаях не требуют никаких специальных знаний и звучат огульно. Например, по неведомым причинам авторы утверждают, что торговая казнь «как правило» заканчивалась смертью виновного (с. 100) и после нее «редко кто выживал» (с. 103). Из чего этот вывод следует? Есть статистика? Есть оценки современников? Примеры, приводимые самими авторами, в том числе санкции «бить кнутом нещадно», говорят об обратном (с. 143–148). Наказанные крестьяне должны были после экзекуции возвращаться своим владельцам.

Укреплению крепостного права, по мнению авторов, способствовало составление писцовых и переписных книг. Это, в целом понятное и совершенно не новое суждение подкрепляется «открытием» в области источниковедения. «Главное назначение» писцовых и переписных книг, по мнению А. И. Коротковой и И. А. Чуканова, «как раз и заключалось в юридическом оформлении крестьянской крепости. Это мероприятие прошло в конце XVI века» (с. 106). Если «главное назначение» переписных книг хоть как-то подпадает под это категоричное заявление, то к писцовым книгам оно имеет не только не «главное», но, в целом, далекое отношение. Венчающее фразу предложение о проведении какого-то «мероприятия» в конце XVI в. лучше пусть останется на совести авторов книги.

При этом с уверенностью в основательности проведенного «исследования» у И. А. Чуканова и А. И. Коротковой всё в порядке. Даже еще не перейдя к изложению глав своей работы, они уже делают вывод: «Таким образом, значительная историографическая и источниковая база, привлеченная для проведения данного исследования, на высоком научно-познавательном уровне позволила нам выполнить все стоящие перед нами задачи» (с. 21). А вот в конце книги, где положено публиковать выводы, напротив, читаем обоснование целой заявки на отдельное исследование: «Раздельные, поступные и купчие на имения с крестьянами, как увидим ниже, содержали подворные описания мужского состава крестьянских дворов отчуждаемого объекта по типу описания переписных книг» (с. 184). Почему такой вопрос должен останавливать читателя и заставлять его искать, где же (точнее, конечно, куда же) еще «ниже»? Никакого исследования указанных документов проведено авторами не было, и обмолвка в выводах возникла так же, как и всё остальное, в расчете на то, что эту работу никто не увидит и не прочитает. А факт ее существования поможет в дальнейшем авторам успешно решить свои далекие от науки задачи.

Таким образом, про книгу А. И. Коротковой и И. А. Чуканова «Укрепление крепостного права в России во второй половине XVII века» (Ульяновск, 2015),

можно сказать только одно: она отторгает академические традиции и основана на некорректных заимствованиях из основополагающего труда на эту тему Аркадия Георгиевича Манькова «Развитие крепостного права в России второй половины XVII века», опубликованного в далеком 1962 г. А. И. Короткова и И. А. Чуканов лукавят, когда называют дореволюционный период изучения крепостничества в России самым «важным» в изучении проблем закрепощения российского крестьянства (с. 9). Судя по референциям рецензируемой монографии, было бы логично предположить, что советский период не менее продуктивен, но в нужный момент и по понятным причинам этого качества лишился, что и позволило ульяновскому коллективу повторить проделанную работу. В ряде случаев — повторить с цитатной точностью.

Анализировать подделку по принципам, приложимым к научным исследованиям, не приходится. Очень жаль, что оказалось затронутым имя доброго человека, фронтовика, оставившего свой заметный след в науке, 15 лет возглавлявшего группу феодализма в России в ЛОИИ (См.: *Панеях В. М. Памяти А. Г. Манькова (1913–2006) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. Т. 30. С. 565–567*). Господам из Ульяновска стоит знать, что еще в двадцатилетнем возрасте записал для себя в «Дневнике» Аркадий Георгиевич Маньков: «Механическое увеличение лексикона, числовое расширение словесных запасов не есть еще культура» (*Маньков А. Г. Из дневника рядового человека (1933–1934) // Звезда. 1994. № 5. С. 139*). Появление «книги» И. А. Чуканова и А. И. Коротковой — определенный вызов для исторического сообщества, которое обязано защищать себя от «варваризации» и опошления научного труда.

References

Čukanov I. A., Korotkova A. I. Deâtel'nost' vyšših organov gosudarstvennoj vlasti Rossii po ukrepleniû krepostnogo prava vo vtoroj polovine XVII veka // Izvestiâ Samarskogo naučnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2015. T. 17. N 3–1. S. 7–12.

Čukanov I. A., Korotkova A. I. Razvitie normativno-pravovoj bazy krepostnogo prava v Rossii v 1660–1670-e gody XVII veka // Vestnik ekaterininskogo instituta. 2015. N 2 (30).

Man'kov A. G. Razvitie krepostnogo prava v Rossii vo vtoroj polovine XVII veka. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962.

Man'kov A. G. Zakonodatel'stvo i pravo Rossii vtoroj poloviny XVII v. SPb.: Nauka, 1998.

Paneâh V. M. Pamât A. G. Man'kova (1913–2006) // Vspomogatel'nye istoričeskie discipliny. SPb., 2007. T. 30. S. 565–567.

Vtorov N. I., Aleksandrov-Dol'nik K. O. Drevnie gramoty i drugie pis'mennye pamâtники, kasaûšiesâ Voronežskoj gubernii i častiû Azova. Voronež, 1852.

Список литературы

Второв Н. И., Александров-Дольник К. О. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Воронеж, 1852.

Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: Наука, 1998.

Панеях В. М. Памяти А. Г. Манькова (1913–2006) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. Т. 30. С. 565–567.

Чуканов И. А., Короткова А. И. Деятельность высших органов государственной власти России по укреплению крепостного права во второй половине XVII века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3–1. С. 7–12.

Чуканов И. А., Короткова А. И. Развитие нормативно-правовой базы крепостного права в России в 1660–1670-е годы XVII века // Вестник екатерининского института. 2015. № 2 (30).

K. Erusalimskiy, V. Kozliakov, D. Liseitsev. Review of the monograph: **Korotkova A. I., Chukanov I. A.** The strengthening of serfdom in Russia in the second half of the XVII century. Uljanovsk, 2015. 256 p.

Ерусалимский, Константин Юрьевич, д. и. н., профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета.

Erusalimskiy, Konstantin Yurevich, Doctor of Sciences (History), professor at the Chair for history and theory of culture of the Russian State University for the Humanities.

E-mail: kerusalimski@mail.ru

Козляков, Вячеслав Николаевич, д. и. н., профессор Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина.

Kozliakov, Viacheslav Nikolaevich, Doctor of Sciences (History), professor at the Sergey Yesenin Ryazan State University.

E-mail: v.kozliakov@rsu.edu.ru

Лисейцев, Дмитрий Владимирович, д. и. н., ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Liseitsev, Dmitry Vladimirovich, Doctor of Sciences (History), leading researcher at the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: Liseitsev@mail.ru